

Джеймс Хэдли
Чейз

СВОБОДА -
ОПАСНАЯ ВЕЩЬ

Джеймс Хедли Чейз

Свобода – опасная вещь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51776592

Свобода – опасная вещь:

ISBN 978-5-389-18199-1

Аннотация

В настоящее издание включены романы Дж. Х. Чейза «Свобода – опасная вещь» и «Репортер», которые отчасти выбиваются из привычного для автора жанра «крутого детектива», но ничуть не уступают остальным произведениям мастера в динамичности сюжета и увлекательности. В центре повествования оказываются сын известного кинопродюсера Джей Дилейни, погруженный в странные фантазии и изнемогающий в тени отцовской славы, а также вполне успешный и одаренный фотограф Вэл Кейд; их внешне благополучная жизнь неожиданно сходит с накатанной колеи в результате неодолимых обстоятельств...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	26
Глава третья	47
Глава четвертая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джеймс Хэдли Чейз

Свобода – опасная вещь

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2020

© М. В. Тарасов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Агтикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

1

Джей Дилейни сидел в шезлонге с книгой на коленях и слушал, что говорит ему внутренний голос. Это вошло у него в привычку. Последние полтора года голос подбивал его совершить акт насилия, но до сих пор Джей на уговоры не поддавался.

Однако сейчас, разомлев на солнце, он подумал, что нынешнее предложение и впрямь звучит соблазнительно. Мысль убить какую-нибудь девушку все чаще приходила ему в голову. Это был бы идеальный способ испытать свой ум, изобретательность и отвагу.

Сквозь темно-синие стекла солнцезащитных очков он наблюдал за незнакомой девушкой на песке ярдах в тридцати от него.

Девушка в небесно-голубом купальнике позировала перед стайкой взмокших от жары фотографов, которые полукругом обступили ее и непрерывно щелкали камерами – кто стоя, кто с колен. За спиной у них на набережной-променаде Круазет собралась толпа зевак.

Молоденькая блондинка с ладной фигурой и нежным ме-

довым загаром прекрасно вписывалась в кинематографический стандарт. И лицо у нее было миловидное, фотогеничное, с мелкими чертами и живым, открытым выражением.

В сексуальном плане девушка его не интересовала. Он вообще ни разу еще не влюблялся. Но девушка ему понравилась, он оценил ее свежесть, резвость, жизнерадостность.

Внутренний голос непрерывно зудел: «Девушка что надо. Убей ее. Это будет несложно. Она же типичная старлетка. Остаться с ней наедине для тебя пара пустяков. Намекнешь, что твой отец хочет встретиться с ней, и она побежит за тобой куда угодно».

Джей достал из нагрудного кармана рубашки золотой портсигар – подарок мачехи на его двадцать первый день рождения, с которого прошло всего четыре месяца, – вынул сигарету и закурил.

Девушка перевернулась на живот. Теперь она лежала, подперев подбородок кулачками и задрав кверху скрещенные в лодыжках ноги. Фотографы принялись со всех ракурсов снимать ее длинную стройную спину и округлые бедра, едва прикрытые полоской бикини.

Что верно, то верно, подумал Джей, уединиться с ней будет несложно. Как-никак он сын Флойда Дилейни, а Флойд Дилейни для киностудии «Пасифик» – то же, что Сэм Голдвин для «Метро-Голдвин-Майер». Ему не нужно ломать голову, как заговорить с ней, не вызывая подозрений.

Джей впервые порадовался тому, что отец взял его с со-

бой в Канны. Джей ехать не хотел и пустил в ход все возможные отговорки, но отец, всегда добивавшийся своего, заставил его подчиниться.

Другой был бы счастлив побывать на Каннском кинофестивале, убеждал его отец: тьма хорошеньких девушек, вкусная еда, теплое море и лучшие фильмы со всего света! Чем не каникулы? И Джей нехотя потащился в Канны, как всегда таскался за отцом, куда бы тот ни отправился.

Кто бы знал, как ему надоело вечно плестись в хвосте отцовской славы! Двенадцать лет назад мать Джея выбросилась из окна гостиницы. После ее смерти отец женился – сперва на одной, потом на другой. Со второй женой жизнь не заладилась, и через два года непрерывных ссор они развелись. Третья, итальянка София – изящная брюнетка с огромными синими глазами, точеной фигурой и лицом Мадонны Рафаэля, – была всего на пять лет старше Джея. Выйдя замуж за Флойда Дилейни, миллионера с ярко выраженными собственническими инстинктами, она поставила крест на своей блестящей актерской карьере и перестала сниматься в кино.

В ее присутствии Джей всегда чувствовал себя скованно. Ее красота смущала его, и он старался как можно реже попадаться ей на глаза. Когда им все-таки случалось провести несколько минут один на один, у него возникало неприятное чувство, будто она считает его юношей со странностями. Он часто ловил на себе ее вопросительный, вернее, недоуменный взгляд, словно ей хотелось бы проникнуть в его мысли,

понять, что творится в его душе.

Три дня назад семейство Дилейни поселилось в отеле «Плаза». Из Канн они вместе с операторской группой собирались отправиться в Венецию и во Флоренцию – снимать натуру для новой кинокартины, которую планировали запустить в производство в конце осени.

В Каннах отец и София почти все время пропадали в кинозале, знакомясь с лучшими образцами европейского кино. Фильм отца тоже участвовал в конкурсной программе. Его искрометный мюзикл со стопроцентно звездным составом должны были показать в последний день фестиваля, и Флойд Дилейни не сомневался, что получит главный приз.

Джей предпочитал загорать на пляже, а не сидеть в душном зале и смотреть невесть сколько подряд иностранных фильмов. Отец скрепя сердце отпустил его. Сын мог бы больше интересоваться кинобизнесом. Но раз у парня каникулы, так и быть, пусть потешит себя.

Джей снова посмотрел на девушку в небесно-голубом бикини. Она стояла, расставив длинные стройные ноги и прикрывая рукой глаза от слепящего солнца. На нее напал беспричинный смех, и фотографы добродушно ухмылялись: славная девочка и не строит из себя примадонну, как некоторые стервозные соплячки: купальник нацепят, а ноги помыть не удосужатся, зато гонору хоть отбавляй. Можно подумать, они не телом торгуют, можно подумать, у них уникальный талант!

Один фоторепортер, устало загребая ногами песок, поравнялся с Джемем:

– Мистер Дилейни! Приветствую. Решили пропустить дневные просмотры?

Слегка опешив, Джей обернулся на голос и кивнул.

Ну и тип, подумал он, глядя на помятую фигуру, ну и рожа! Алкаш синюшный. Но Джей приветливо улыбнулся. Он следил за тем, чтобы всегда отвечать вежливо, кто бы к нему ни обратился.

– Кому охота смотреть кино в такую погоду?

– Оно конечно. Только отец-то ваш сейчас в зале. – Незнакомец приблизился и дыхнул на Джея перегаром. – Ваш отец держит ухо востро, с ним никто не сравнится. Думаю, он ни одной картины не пропустил.

– Я тоже так думаю. – Джей кивнул на девушку в бикини. – Кто такая? Не знаете, как ее зовут?

Алкаш повернул голову и прищурился:

– Люсиль Балу. Ничего, а? Пока работает на местную независимую киностудию, но через годик взлетит на самый верх. У нее талант.

– Понятно.

Выяснив все, что ему было нужно, Джей демонстративно раскрыл книгу.

Фотограф окинул его профессиональным взглядом. Красивый парнишка, подумал он. Отлично смотрелся бы на экране, девчонки с ума бы сходили по нему.

– Скажите, мистер Дилейни, не могли бы вы устроить мне интервью с вашим отцом? – заискивающе спросил он. – Хотелось бы услышать его мнение о перспективах французского кино и сделать несколько снимков. Не замолвите за меня словечко? Назовите ему мое имя – Джо Керр.

Джей с улыбкой покачал головой:

– Простите, мистер Керр, но вам лучше обратиться к мистеру Стоуну. Такие вопросы по его части.

Испитое лицо разочарованно вытянулось.

– Да я знаю, но с ним не договоришься. Может, вы бы сами замолвили словечко?

– Бесполезно. Отец глух к моим рекомендациям. – Джей улыбнулся еще шире – обезоруживающей мальчишеской улыбкой. – Вы же знаете, как отцы прислушиваются к сыновьям!

– Ну да. – Керр сник и обреченно пожал плечами. – Ладно, все равно спасибо.

Увидев, что Джей снова взялся за книгу, он поплелся по песку прочь.

Джей опять взглянул на девушку.

Фотографы сердечно поблагодарили ее и гурьбой двинулись к следующей модели – рыжеволосой девице, которая ожидала своей очереди, зазывно изогнувшись на песке.

Люсиль Балу перешла под навес пляжного кафе при отеле «Плаза» и села за столик в каких-нибудь десяти футах от шезлонга Джея.

К ней тут же присоединился низкорослый, крепко сбитый мужчина с шапкой курчавых волос на голове. В руках он держал женский халатик и пляжную сумку. Опустив то и другое на стол, он одобрительно сказал:

– Молодец, хорошо поработала. На сегодня хватит. Я хочу успеть захватить конец фильма. Ты со мной?

Девушка помотала головой:

– Побуду здесь.

– Как хочешь, только не прячься от людей: тебя должны видеть. Встретимся в шесть в баре «Плазы».

Джей слышал их разговор. Дождавшись, когда коротышка уйдет, он повернул голову и сквозь ширму темных очков стал наблюдать за девушкой. Она открыла пляжную сумку и достала компактную пудру. И правда хорошенькая, отметил он про себя.

«Чего ты медлишь? – спросил внутренний голос. – Ты же давно созрел. Ну так действуй! Она идеальная жертва. Легко можешь заманить ее в свой номер. Твои вернутся туда еще через два часа. У тебя уйма времени».

Джей обвел глазами террасу. За столиками сидело всего с десяток людей. В это время дня большинство съехавшихся в Канны смотрят кино или гуляют вдоль побережья и любуются видами Лазурного Берега. Никому не было дела ни до него, ни до девушки.

Он решил и, чтобы отрезать себе путь к отступлению, резко закрыл книгу и встал. Сердце забилося чуть сильнее,

но в целом он был удивительно спокоен, даже расслаблен.

Когда Джей подошел к девушке, она подкрашивала губы, глядя на себя в круглое зеркальце пудреницы.

– Мадемуазель Балу, если не ошибаюсь? – произнес он на безупречном французском.

Застигнутая врасплох, девушка подняла на него взгляд и немного смешалась, но растерянность ее длилась недолго.

– Да. А вы мсье Дилейни!

– Младший. Не путать со старшим. – Джей озорно, по-мальчишески усмехнулся. – Мне везет. Представьте, сегодня утром отец говорил о вас. Хочет с вами встретиться.

Как искренне она удивилась и обрадовалась! Забавно было наблюдать за ней.

– Мистер Дилейни хочет встретиться со мной? Но это же просто здорово! – Она склонила голову набок и с улыбкой спросила: – А вы меня не разыгрываете?

– Нет, что вы! Он велел мне привести вас к нему, как только я вас увижу. Может быть, прямо сейчас, если вы свободны?

– Сейчас? – Девушка явно разволновалась и в упор посмотрела на Джея, глаза ее испуганно расширились. (Она выглядела такой беззащитной! Джей был доволен эффектом.) – Но где?

– В «Плазе», где же еще. Он считает, что у вас большой талант. – Джей снова по-дружески усмехнулся. – Я нечасто соглашаюсь с отцом, но здесь наши мнения совпали.

Лесть не возымела того действия, на которое он рассчитывал. Девушка все так же испытующе смотрела на Джея.

Ей вдруг захотелось увидеть его глаза, скрытые синими стеклами. Несмотря на подкупающую улыбку, что-то в нем настораживало ее. Как бы то ни было, урезонила она себя, если его отец и правда желает встретиться с ней, дорогостоящая поездка в Канны окупится с лихвой. На поездке настоял ее агент Жан Тири, тот самый коротышка, с которым она беседовала несколько минут назад.

– Чем черт не шутит, – сказал Жан. – Конечно, все это потеря, но кто знает, вдруг какой-нибудь голливудский магнат приметит тебя. Нужно пользоваться случаем. Канны – витрина для таких, как ты.

И тут она вспомнила, что примерно час назад видела, как Флойд Дилейни и его красавица-жена отправились из «Плазы» в кинотеатр.

– Но мистер Дилейни сейчас в кинотеатре.

Джей и бровью не повел:

– Отец редко досматривает фильмы до конца. Обычно он незаметно сбегает через боковой выход. Сейчас он в отеле. – Джей взглянул на свои золотые швейцарские часы. – Потом собирался куда-то выйти, как только закончатся дневные просмотры. Уже половина четвертого. Но если вы заняты, не страшно, как-нибудь в другой раз.

– Нет-нет, я совершенно свободна, – вскочив, сказала девушка, – и с удовольствием встречу с ним.

– Вероятно, вам нужно переодеться? – подсказал ей Джей.

Паника в ее глазах насмешила его. Ну конечно, она пытается сообразить, как ей за полчаса привести себя в порядок и как одеться, чтобы не ударить лицом в грязь.

– Вы остановились здесь, в «Плазе»?

Она покачала головой:

– Нет, рядом. В «Метрополе».

– Не мучьтесь с нарядом. Отец уже оценил вашу красоту.

Она смущенно засмеялась:

– Мне лучше поспешить, если у меня в запасе всего полчаса. – И она набросила на себя пляжный халатик.

Джей внимательно наблюдал за ней.

Во время недавней фотосессии она держалась так, словно знала себе цену, но сейчас от волнения ее напускное самообладание куда-то улетучилось. Бедняжка боялась упустить свой шанс и суетилась, как школьница.

– Да, вот еще что... – напоследок сказал он, и его своя мальчишеская улыбка расплылась на пол-лица. – Вы лучше никому пока не говорите, что встречаетесь с моим отцом. Еще успеете похвастаться. Знаете, как здесь разносятся сплетни... Отец – человек настроения. Я думаю, у него на вас виды, но на всякий случай не стоит забегать вперед.

Она быстро смекнула, какой это риск для ее карьеры и репутации, если пройдет слух, что великий Флойд Дилейни пожелал лично встретиться с ней, только из этого ничего не вышло!.. Но вдруг он и правда сделает ей предложение? Обид-

но, что Жана нет рядом. Хорошо бы посоветоваться с ним.

– Конечно. Я никому ничего не скажу. Люкс номер двадцать семь? Ну все, я побежала.

– Ждем вас в четыре.

Он проводил ее взглядом. Она вспорхнула по лестнице, а он закурил и опустился на шезлонг. Ему нужно было спокойно обдумать, как он ее убьет. С местом понятно – их семейный люкс. Само собой разумеется, следов оставлять нельзя – никакой крови. Он вспомнил про витые шелковые шнуры – подхваты для штор на широких окнах в гостиной. Наверное, он без труда смог бы заарканить ее таким шнуром и затянуть петлю у нее на шее, прежде чем она успеет закричать.

Он стряхнул пепел и снова с удовлетворением отметил, что совершенно спокоен. Азарт, нервное возбуждение – все, что ему хотелось испытать, – придет после. Само по себе убийство девицы ничего не значит, это не более чем средство для достижения цели. Настоящая игра начнется, когда у него на руках будет мертвое тело в номере люкс знаменитого отеля «Плаза».

Тогда, и только тогда он узнает, чего он стоит, насколько он изобретателен и хитер, потому что у него уже не будет права на ошибку: один неверный шаг – и он пропал.

А пока он сидел на пляже, подставляя свое красивое молодое лицо жаркому солнцу, гоня из головы все мысли и сомнения. Сердце его забилося сильнее и ладони повлажнели.

Без десяти четыре он встал и не спеша поднялся на Кру-

азет.

Ротозеям, глазевшим на старлеток в предельно открытых купальниках, было не до него. Скажи им кто-нибудь, что он сын одного из самых знаменитых кинопродюсеров, они бы даже не шевельнулись.

Пока он шел к отелю, знакомые киношники кивали ему, и он привычно кивал в ответ. Он был на сто процентов уверен, что все они, частенько терпевшие несправедливые разносы его могущественного отца, считают Дилейни-младшего славным малым, не испорченным папашиными миллионами, и эта мысль его повеселила.

Он попросил ключ от семейного люкса, с улыбкой поблагодарил портье и пешком поднялся на третий этаж, зарезервированный для важных гостей фестиваля. В длинном коридоре, как он и ожидал, не было ни души. В это время никто из кинодеятелей не сидит у себя в номере. Все либо в кинотеатре на просмотрах, либо на террасе – обсуждают дела.

Он отпер дверь люкса 27 и вошел. Номер состоял из просторной гостиной, столовой и трех спален. К приезду Флойда Дилейни апартаменты полностью обновили.

Джей прошел к окну в гостиной, вынул из кольца в стене алый шелковый шнур, удерживавший кремовую портьеру, и придиричиво ощупал его. Достаточно гладкий и прочный, решил он, смотал шнур и положил его на диван, прикрыв подушкой.

Он посмотрел на часы. Без одной минуты четыре.

Он сел.

Меньше чем через минуту она постучится. Минут через пять-десять будет мертва. И начнется самое захватывающее в его жизни приключение.

Он не двигался, глаза следили за стрелкой часов на руке, в ушах раздавалось учащенное тук-тук-тук его сердца.

Когда минутная стрелка дошла до верхней точки, в дверь негромко постучали.

2

В тот день на фестивале показывали индийский документальный фильм – невыносимый, по мнению Софии Дилейни. От музыкального сопровождения ей хотелось лезть на стену; не лучше была и картинка – грязь, нищета и трущобы, снова и снова. Она с тоской думала, как бы ей вырваться на волю, ведь всего в двух шагах пляж, море, солнце!

И когда на экране возникла больница, набитая мужчинами и женщинами, страдающими от каких-то тропических болезней, и пошли крупные планы гноящихся язв и распухших, обезображенных до неузнаваемости рук и ног, внутри у нее все восстало.

Она украдкой взглянула на мужа. Он подался вперед, обхватив руками колени, и честно старался следить одновременно за действием на экране и за французскими субтитрами. Бесполезно было предлагать ему уйти посреди сеанса.

Это не в его правилах – зачем подавать дурной пример? В глубине души он побаивался, что однажды настанет день, когда какой-нибудь влиятельный эксперт вроде него самого захочет уйти с его фильма. Его отношение к профессиональной этике отдавало суеверием: он не любил искушать судьбу, и София прекрасно это знала.

На экране возник мужчина с ужасной раной на груди, и ее передернуло от отвращения. Она дотронулась до руки Флойда.

– Прости, милый, с меня уже хватит. Можно я пойду? – тихо спросила она.

В полутьме она поймала на себе его удивленный взгляд. Но он любил ее и обращался с ней как с ребенком.

– Иди, не мучься, моя сладкая. – Он погладил ее по руке. – Я досижу до конца, но ты иди. Искупайся... или еще что.

Его глаза снова были прикованы к экрану – к той же кровоточащей ране.

– Спасибо, милый, – шепнула она, слегка коснувшись губами его щеки, и пробралась в проход.

Все девятьсот с лишним зрителей в зале видели этот поцелуй – и позавидовали ей: им тоже хотелось бы улизнуть. Выйдя из тьмы на свет, София с облегчением вздохнула и сверилась с часами. Без десяти четыре. Она решила сходить в отель за купальником и поехать на пляж возле казино, подальше от «Плазы» и сутолоки.

Времени у нее было предостаточно – пока этот гнусный

фильм закончится, пока его обсудят (без обсуждения никак нельзя)... Флойд освободится не раньше шести.

Она пошла по запыленной улице, улыбаясь знакомым, потом остановилась перебраться парой слов с одним модным итальянским актером, которого Флойд мечтал заполучить. Тот все капризничал и за свой несомненный талант требовал баснословных денег. Итальянец бесстыдно скользил взглядом по ее телу, явно намекая на то, что был бы не прочь с нею поразвлечься.

София давно привыкла к такого рода вниманию и точно знала, что нужно сказать, как улыбнуться – и как невзначай увернуться от блудливых рук. Дружески расставшись с киноидолом, она пошла дальше своей дорогой, втайне надеясь, что этот похотливый самец теперь будет сговорчивее, если кастинг-менеджер Флойда снова сделает ему предложение.

В вестибюле «Плазы», как всегда, яблоку негде было упасть – кругом сплошь знаменитости. В одном углу расположился Жорж Сименон с трубкой в зубах. Курд Юргенс рассказывал ему про свой последний фильм. Эдди Константин, в лихо заломленной фуражке, издали помахал Софии и жестами дал понять, что всей душой рвется к ней, но не может бросить продюсера, который впился в него как пиявка. Любимица публики Мишель Морган и харизматичный Анри Видадь беззлобно пикировались, на радость фотографам, украдкой направлявшим на них свои вездесущие камеры. Жан Кокто, в короткой темной мантии, никого не замечая,

стремительно прошел к выходу. Известный французский режиссер Анри Верней с любезной улыбкой слушал воркование Мариз Гибер, уговаривавшей его выступить по телевидению Монте-Карло.

София пробралась к стойке портье и попросила ключ от номера 27. Часы на стене показывали ровно четыре.

– Ключ взял мистер Дилейни-младший, – сообщил ей портье. – Несколько минут назад.

София удивилась, но невозмутимо поблагодарила портье и сквозь толпу направилась к лифту, без конца улыбаясь и кивая, на ходу протягивая то к одному, то к другому левую руку в знак особого расположения, как это принято у итальянцев.

Лифт поднял ее на третий этаж, на часах было семь минут пятого.

Она прошла по коридору к люксу 27, повернула ручку и недовольно нахмурилась. Дверь была заперта.

Она громко постучала:

– Джей! Это София.

Ей никто не ответил. Начиная терять терпение, она постучала снова.

София не первый год была замужем за Флойдом и уже усвоила привычки жены миллионера – топтаться в гостиничном коридоре перед закрытой дверью было для нее нестерпимо.

– Джей, открой, ради бога!

И вновь молчание. Не на шутку разозлившись, она стала дергать ручку и колотить в дверь.

– Прошу прощения, мадам, вам помочь?

Из дежурки выглянул коридорный.

– У вас есть ключ? – спросила она, умело пряча раздражение за милой улыбкой. – Наверное, пасынок уснул.

– Сию минуту, мадам.

Она посторонилась, коридорный отпер замок служебным ключом и впустил ее в номер. София поблагодарила и, хлопнув дверью, прошла в гостиную.

Первое, что она заметила, – запах чужих духов.

Она резко остановилась, принюхиваясь к нежному аромату. Ее прекрасные фиалковые глаза гневно сузились. Кроме них троих, никто не имел права заходить в номер, Флойд принципиально никого не допускал в семейные апартаменты. Следовательно, чужой запах мог означать только одно – к ним наведалась незнакомка.

Неужели Джей привел подружку, недоумевала София. Чего доброго, она застигла парочку в самый неподходящий момент. Иначе как все это понимать?

Флойд сказал Джею, что они с Софией вернутся после шести. Неужели мальчишке хватило наглости воспользоваться их отсутствием и притащить в семейный номер одну из тех мерзких полуголых дурех, которые с утра до вечера слоняются по вестибюлю «Плазы», точно заблудшие души в поисках спасения? Финансового, само собой разумеется.

От возмущения Софию бросило в жар.

Из спальни Джея донеслись какие-то звуки – шаги, копошение, – потом дверь открылась, и он собственной персоной показался на пороге; дверь в спальню он за собой плотно закрыл. На лице у него, как водится, были темные очки. Его дурацкая привычка носить солнцезащитные очки в помещении и раньше действовала ей на нервы. Очки создавали непроницаемый барьер – поди знай, что он думает и как реагирует на твои слова. Когда она разговаривала с ним, ее не покидало странное ощущение: вроде бы он стоит перед тобой, а кажется, будто вас разделяет высокая стена и оттуда, из-за стены, тебе отвечает голос невидимки.

Хотя на лице Джея, по обыкновению, ничего нельзя было прочесть, она моментально почувствовала, что с его появлением атмосфера в комнате наэлектризовалась. Не ускользнули от ее глаз и бисеринки пота над его верхней губой.

– А, это ты, София, – непринужденно (пожалуй, *слишком* непринужденно) сказал он. – Что так рано?

Неужели и правда у него в спальне девица? Какая гадость, подумала София. Только представить: какая-то грязная шлюшка сидит там под дверью и слушает их разговор!

– Ты не слышал, как я стучала? – спросила она резче, чем хотела бы: ей невольно передалась его нервозность.

Он сделал пару шагов вперед, но так, что дверь в его спальню по-прежнему оставалась прямо у него за спиной, и София еще больше насторожилась.

– Может быть, и слышал, – ответил он, – но я никак не думал, что это ты.

Он вынул сигарету из подаренного ею золотого портсигара, и на тыльной стороне его левой руки она увидела несколько свежих глубоких царапин; одна кровоточила.

– Ты поранился, – заметила она. – Смотри, у тебя кровь.

Он посмотрел на руку, положил портсигар на стол, достал носовой платок и стер кровь.

– Это кошка. Шлялась по коридору. Расцарапала меня.

Его глупая, неприкрытая ложь взбесила ее.

У нее на языке вертелся саркастический ответ, но она сдержалась и молча пошла к окну, прочь от него. Она не знала, как поступить. Обвинить его в том, что он привел в номер девицу? Но к лицу ли ей читать ему мораль? Положение третьей жены его отца этому не способствовало. Он запросто может сказать, что его личная жизнь ее не касается. К тому же нельзя исключить, что она ошибается, хотя ей с трудом в это верилось. Наверное, лучше рассказать Флойду, пусть сам разбирается с сыном.

– Кино не понравилось? – поинтересовался Джей.

– Нет.

Повисла пауза, потом он спросил:

– А где отец?

В его голосе она уловила обеспокоенность. Ее подмывало ответить, что Флойд придет с минуты на минуту. Если в спальне сидит девица, мальчишка испугается отцовского

гнева и впредь ему неповадно будет выкидывать такие номера. Но она устояла перед искушением проучить его.

– На просмотре.

Она раздраженно отдернула правую портьеру, которая почему-то была опущена, и глазами поискала подхват, чтобы вернуть ее на место.

Подхвата в кольце не оказалось.

– Ты что-нибудь ищешь, София? – спросил Джей как-то очень вкрадчиво.

Она резко обернулась.

Он стоял там же, где и раньше. Его красивое молодое лицо по-прежнему ничего не выражало, несмотря на улыбку. Улыбку манекена за стеклом.

В темных линзах его очков она видела собственное отражение – точь-в-точь два идентичных маленьких фотоснимка. София на этом фото была неподвижна и напряжена.

– Куда-то делся шнур от портьеры, – сказала она.

– Ты очень наблюдательна, – похвалил он ее и вынул из кармана алый шнур. – Этот? Забыл вернуть на место. Я с ним игрался.

Его идиотская реплика отчего-то прозвучала зловеще.

– Что значит «игрался»? – нервно спросила она.

– Да ничего! Мне было скучно. Дурачился.

Он начал медленно, шаг за шагом приближаться к ней. Кисти его рук были сдвинуты, из подогнутых пальцев петель свисал алый шнур.

Что-то в его неслышном приближении включило в ее мозгу тревожный сигнал. Он словно подкрадывался, как хищник к добыче.

Сердце ее учащенно забилося. Она быстро перешла от окна за стол, стоявший посреди комнаты, так что теперь между ними была преграда.

Не сводя с нее глаз, Джей остановился. Из тонких загорелых пальцев все так же свисала петля.

София поняла, что начинает поддаваться страху. Она нутром чуяла: здесь, в этой комнате, что-то произошло. Запах чужих духов, расцарапанная рука Джея, шнур от портьеры, петля... Все это вместе складывалось в картину, анализировать которую ей не хватило духу. Ерунда, уговаривала она себя, ничего не случилось. С чего вдруг она испугалась сына Флойда? София призвала себя к спокойствию, хотя сердце колотилось уже как бешеное.

– Джей... Ты приводил сюда девушку? – строго спросила она, сама удивляясь своему незнакомому, силовому голосу.

Джей выпустил из рук конец шнура. Теперь шнур раскачивался, как алый маятник. Проклятый мальчишка смотрел на нее и молчал.

– Ты что, не слышишь? – снова спросила она, на этот раз громче.

– Как ты догадалась? – Он небрежно махнул рукой в сторону своей спальни. – Но ты права. Вообще-то, она еще там.

Глава вторая

1

Было время, когда Джо Керр считался одним из ведущих журналистов, едва ли не лучшим в профессии.

Было время, когда Джо мог позвонить своему агенту, сообщить, что едет в Лондон, или Париж, или Рим, или еще куда, делать репортаж о каком-то важном событии, и меньше чем за час агент успевал продать его материал на корню – вслепую – и вдобавок выбить для Джо щедрые командировочные.

В то время Джо не только блестяще писал – он был еще и первоклассным фотографом, и эта комбинация обеспечивала ему надежный доход.

Пик его карьеры пришелся на 1953 год. Его новая книга была признана лучшей Атлантическим отделением Клуба книги месяца, еженедельник «Нью-Йоркер» в трех выпусках подряд печатал очерки о нем и интервью с ним, а «Лайф» отвел целых пять полос под его потрясающий фоторепортаж о рождении ребенка. Но главным событием этого знаменательного года стала для него женитьба на симпатичной, хотя и вполне обычной девушке Марте Джонс.

Молодая пара поселилась в Малверне, в часе с небольшим езды от Филадельфии, где у Джо был свой небольшой офис. Оказалось, что Джо просто создан для семейной жизни. Они с Мартой были счастливы, как только могут быть счастливы те, кто вступил в брак по большой любви. А потом его жизнь пошла под откос.

Однажды после шумной вечеринки Джо, будучи не то чтобы в сильном подпитии, но определенно навеселе, нечаянно убил свою жену.

Они вместе возвращались домой в его «кадиллаке». Джо сидел за рулем. Он понимал, что нетрезв, и все тридцать с чем-то миль до дому соблюдал предельную осторожность, ведь он вез самое дорогое, что у него было, свою жену, и не собирался подвергать ее малейшей опасности только потому, что сдуру выпил лишнюю рюмку.

Они благополучно доехали до дому, и Марта вышла из машины открыть ворота гаража. Нажав ногой на педаль тормоза, Джо перевел рычаг автоматической коробки передач в положение «задний ход».

Марта отперла замок и уже хотела открыть ворота, как нога Джо случайно соскользнула с педали и автомобиль начал сдавать назад. Зная, что сзади спиной к машине стоит Марта, Джо запаниковал и ударил по тормозу. Но он промахнулся – нога опустилась на педаль газа.

Тяжелая машина рванула назад с такой скоростью, что Марта при всем желании не успела бы отскочить.

Ее расплющило о гаражные ворота и вместе с их ошметками отбросило к задней кирпичной стене гаража.

Джо не сумел пережить этой беды. С того момента, как он вылез из машины и подбежал к мертвой жене, началось его безостановочное падение.

Он запил. Он потерял хватку. И скоро издатели поняли, что на него больше нельзя положиться. Заказы перестали поступать, а в статьях, которые он писал по собственному почину, теперь не было ни соли, ни перца, и ни одна газета не хотела их покупать.

Тот, кто не видел Джо с 1953 года, просто не узнал бы его в неопрятном фотографе, который едва волочил ноги по подъездной аллее, ведущей к главному входу в отель «Плаза», после неудачной попытки уговорить младшего Дилейни устроить ему интервью с Дилейни-старшим.

Джо Керр, высокий и худой, выглядел много старше своих сорока с хвостиком. При ходьбе он сутулился и задыхался. Жидкие желтоватые волосы не добавляли ему привлекательности, но главное, что неприятно поражало любого при знакомстве с ним, – его лицо: потасканное, опухшее, синюшное.

После смерти жены он ежедневно заливал в себя по две бутылки виски, и его физиономия превратилась в сплошную сетку полопавшихся мелких сосудов. С такой рожей, с такими вечно слезящимися, выпученными глазами – прибавьте к этому заношенную, мятую, давно не чищенную одежду, – он производил впечатление конченого человека, и люди ин-

стинктивно сторонились его.

Каким-то чудом он пока еще сводил концы с концами. В Канны его откомандировала голливудская бульварная газетенка «Замочная скважина». На выпивку и самое необходимое ему хватало.

«Замочная скважина» неплохо расходилась, специализируясь на полупорнографических фото и безответственных сплетнях. В лучшие времена Джо в страшном сне не привиделось бы сотрудничать с подобным изданием, сколько бы ему ни посулили. Теперь он был благодарен и за это.

Входя в вестибюль «Плазы» с камерой на шее – он снимал только «Роллейфлексом», – Джо думал об утреннем письме от Мэнли, редактора «Скважины». Мэнли всыпал ему по первое число: мол, если Джо воображает, что Мэнли оплатил ему поездку в Канны ради той преснятины, которой Джо его потчует, пусть пеняет на себя.

«Сколько раз я должен повторять тебе, какой материал нам нужен? – втолковывал ему Мэнли. – Чтобы у читателей челюсть отвисла! Канны – это выгребная яма, дураку понятно. Дай мне грязи! Оторвись от бутылки и покопайся как следует – сразу найдешь. А не можешь, так прямо и скажи, pošлю вместо тебя Джека Бернстайна».

От этого письма у Джо расходились нервы. В другие газеты ему бесполезно соваться. Если Мэнли его вышибет, можно не раздумывая идти топиться в море. Вот почему, как только в Канны приехал Флойд Дилейни, Джо всеми правда-

ми и неправдами добивался интервью с ним.

Среди участников фестиваля Флойд Дилейни был, несомненно, самой колоритной фигурой. Джо надеялся, что сумеет его разговорить и Дилейни невзначай выболтает какой-нибудь пикантный секрет. Сперва Джо, как полагается, подвалил к Гарри Стоуну, бизнес-менеджеру великого Дилейни, с просьбой устроить ему интервью, но Стоун грубо отшил его:

– Ты это серьезно? Мистеру Дилейни больше делать нечего, как беседовать с алкашами! Совсем ты рехнулся, Джо. Да твою харю во сне увидишь – испугаешься!

Воспоминание о презрительной отповеди Стоуна подействовало на проспиртованные мозги Джо как красная тряпка на быка. Эх, откопать бы такой компромат на этого Дилейни, чтобы ему было не отвертеться, да еще бы с фотографиями, – и по уши вывалить его в грязи, размечтался Джо. Посмотрел бы он тогда на *его* харю! А то ему, видишь ли, подавай интервьюера из высшего общества.

Без четверти четыре Джо устроился в эркере, откуда отлично просматривался коридор с люксом 27. При этом сам он оставался невидимым для любого входящего в номер, да и для коридорного, который время от времени сновал туда-сюда.

Он с удобством расположился на банкетке под окном и приготовил свой «Роллейфлекс» к съемке, очень довольный, что света больше чем достаточно и вспышка не понадобится.

За последние два часа он опрокинул четыре двойных виски и слегка поплыл. Он сам не смог бы объяснить, на что, собственно, он рассчитывает: Дилейни и его цаца-жена сидят в кинотеатре и выйдут оттуда только ближе к шести. Смазливого сынка Дилейни Джо недавно видел на пляже, и вроде бы уходить он оттуда не собирался. Из всего этого напрашивался вывод, что Джо понапрасну тратит время, карауля под дверью люкса 27 невесть кого. Какое-то движение начнется не раньше шести, да и тогда вряд ли ему повезет добыть ценный трофей.

Но Джо было наплевать на целесообразность. Его попросту устраивало, что у него есть законный повод посидеть в тишине, в стороне от толкотни и гама внизу.

Этот Каннский фестиваль его измотал. Тут каждый дрался за место под солнцем. Джо чувствовал себя старым и слабым, если приходилось пробиваться локтями, чтобы занять подходящую позицию для съемки, – иначе упустишь минуточку, когда очередная звезда вдруг снизойдет до фотографов и позволит себя запечатлеть.

А фотографы! Все как на подбор молодые, ушлые и бесцеремонные. Камера у них в руках как влитая, не шелохнется. Разве мог он угнаться за ними, с его затуманенным сознанием? Пока он возился с настройками, пытаясь унять дрожь в руках, они знай себе щелкали затворами. Его вечно отпихивали в задний ряд, еще и покрикивали: «С дороги, папаша, какого черта! Не мешай людям работать!»

Без пяти четыре, согласно часам в коридоре, висевшим аккуратно над дверью люкса 27, Джо встряхнул головой, внезапно очнувшись от сморившей его дремоты, и увидел, что по коридору идет Джей Дилейни. Возле двери с номером 27 он остановился.

Не задаваясь вопросом, зачем ему это надо, Джо вскинул свой «Роллей», глянул в видоискатель, навел фокус (диафрагму он выставил заранее) и плавно спустил затвор. Мысленно он поздравил себя с достойным кадром – на случай если Мэнли захочет напечатать фотографию сына Флойда Дилейни, что, как Джо и сам понимал, крайне маловероятно.

Дилейни-младший отпер дверь и исчез в номере. Джо пожал плечами и полез за виски. В заднем кармане брюк у него всегда имелась плоская бутылочка в полпинты. Он отхлебнул, выдохнул и снова убрал виски в карман. Не успел он подумать, что больше высиживать тут нечего, как в коридоре появилась девушка.

Он сразу узнал ее: французская старлетка Люсиль Балу, в нарядном бело-голубом платье; на стройной загорелой шее – массивные синие бусы.

Джо машинально перемотал пленку на следующий кадр, гадая, каким ветром начинающую актрису занесло на этаж, целиком отведенный для больших шишек. Когда она остановилась возле номера 27, в нем даже шевельнулся охотничий азарт.

Она подняла руку, он – камеру; она постучала – затвор ти-

хо шелкнул. Возвращая камеру на место, Джо придумал подпись под снимком: «Удача стучится в дверь: Люсиль Балу, французская старлетка, стучится в дверь номера люкс Флойда Дилейни в отеле „Плаза“. Что это – начало большой голливудской карьеры талантливой молодой актрисы?» Не совсем то, чего ждет от него Мэнли, но, возможно, какой-нибудь другой желтый листок захочет купить это фото.

Джей открыл дверь и сказал:

– Какая пунктуальность! Входите. Отец ждет вас.

Девушка вошла, дверь за ней закрылась. Джо все прекрасно видел и слышал.

Прошло несколько секунд, прежде чем до подвыпившего Джо дошли слова молодого Дилейни.

Отец ждет вас.

Но этого не может быть, изумился он, Флойд Дилейни сейчас в кинозале! Он сам видел, как Дилейни с женой поднялся по лестнице в кинотеатр, и точно знал, что они не вернутся в номер раньше шести.

Джо провел пятерней по редеющим волосам.

Что происходит?

Он вспомнил, как Джей Дилейни расспрашивал его про девушку, и в голове у него внезапно прояснилось. Выходит, этот красивый, хорошо воспитанный юноша не так уж прост?

Джо успел заметить, что молодой Дилейни предпочитает держаться особняком. Обычно он в одиночестве сидел на пляже с книгой и не принимал участия в шумных увеселе-

ниях, которые давно превратились для гостей фестиваля в обязательный ритуал.

Неужели парень заманил девушку в номер под предлогом устроить ей встречу со своим влиятельным папашей? Ни одна амбициозная старлетка не упустит шанса познакомиться с Флойдом Дилейни.

Зачем? Соблазнить ее?

Джо взмок от волнения. А вдруг он и правда начнет приставать к ней и она закричит? Тогда у Джо появится формальное право ворваться в номер с камерой. Если повезет, он застигнет их в разгар борьбы. Девушка отбивается, платье задрано кверху до самой шеи... Да за такое фото Мэнли душу продаст! Раз и навсегда простит Джо все прежние промахи. За такое фото Мэнли будет держать его у себя хоть всю жизнь!

Джо наострил уши, но ничего не услышал.

Он уже хотел выйти из укрытия и послушать под дверь, но увидел, как по коридору быстро идет София Дилейни.

Сперва он даже не поверил своим глазам. Неудачи преследовали его так давно, что он перестал ждать милостей от судьбы. И каких милостей!

Ничего себе расклад: сынок заманивает в папашин люкс старлетку и тут в самый ответственный момент является махеха! Для «Замочной скважины» лучше не придумаешь.

София постучала в дверь – Джо щелкнул затвором.

Покачивая в руке портьерный шнур, Джей видел, что София пристально следит за колебаниями алого «маятника». Сейчас он чувствовал себя спокойно и уверенно. София явно испугалась (хотя, по его наблюдениям, последняя жена отца была не из пугливых). К тому же она обескуражена его признанием: он и не думал отпираться, что привел в номер девушку.

Но не стоит заходить слишком далеко. Нужно успокоить ее, пока она не заподозрила, что здесь случилось кое-что похуже. Она и так уже взвинчена, еще секунда – и выскочит за дверь. Однако надо отдать ей должное – у нее зверская интуиция. Как она догадалась про девушку? Духи. Да, наверное. Женщины подмечают такие вещи. Девчонка перестаралась с духами.

– Как прикажешь тебя понимать? Девушка сейчас в спальне?

Он видел, что София пытается вернуть себя в состояние праведного гнева, который несколько остыл от страха.

– Прости, София, – вкрадчиво сказал он, – не знаю, что на меня нашло.

Он отошел на несколько шагов, бросил шнур на диван и сел на боковину кресла. Так, теперь хорошо бы она сама приблизилась к нему. Нужно показать ей, что он рассчитывает

на ее сочувствие и понимание. Нужно добиться у нее обещания ничего не говорить отцу.

Как можно было предвидеть, что она ни с того ни с сего вдруг заявится? Три дня подряд она безропотно сидела с отцом на всех сеансах. Угроздило же ее вернуться раньше времени именно сегодня, когда ему меньше всего нужны свидетели! Ее сердитый стук в дверь вызвал у него оторопь, но он сумел взять себя в руки, и теперь вся эта ситуация доставляла ему неопишваемое, чуть ли не эйфорическое наслаждение.

Да, когда София заколотила в дверь, он обомлел. В тот момент он стоял на коленях возле безжизненного тела Люсиль и распускал удавку у нее на шее. От внезапного громкого стука он впал в какой-то ступор: ему показалось, что сердце перестало биться, а кровь в жилах свернулась. Его охватила паника, голова сделалась пустой. Ужасная минута, но вместе с тем – настоящая проверка на прочность.

С самого начала он понимал, что, если доведет задуманное до конца, рано или поздно придет час испытания и ему понадобится весь ум и вся выдержка, чтобы спасти свою шкуру. Но кто мог подумать, что этот час пробьет так скоро? Едва девушка испустила дух, как раздался стук в дверь!

За считанные секунды необходимо было справиться с паникой и принять экстренные меры. Он на руках поднял тело с дивана, шатаясь, перенес его в свою спальню и сбросил на кровать. Мертвая девушка оказалась на удивление тяжелой

и неудобной ношей. Потом он срочно вернулся в гостиную, подобрал шнур и затолкал его в задний карман.

Дело осложнялось еще одним досадным обстоятельством. В ходе их короткой, но яростной борьбы бусы у девицы повредились, и бусины раскатились по полу. Большие синие бусины размером с некрупный грецкий орех собрать было бы несложно, если бы его не поджимало время.

Только-только он успел схватить последнюю бусину – по крайней мере, последнюю в поле его зрения, – как услышал, что в замок вставили ключ. Он юркнул в спальню и бесшумно закрыл за собой дверь. Одновременно наружная дверь отворилась. Он еще не успел собраться с мыслями, когда услышал голос Софии: она требовательно звала его. Хорошо, что на нем были темные очки. Он знал, что умеет контролировать выражение своего лица, но глаза наверняка выдали бы его, если бы она могла их видеть.

– Не понимаю, что на меня нашло, – повторил он. – Ну прости, София. Она мне понравилась... Я изнывал от скуки. – Он потянулся за портсигаром на столе. – Закуришь?

Она недовольно покачала головой.

– Не могу поверить, что ты способен на такое, – холодно сказала она.

Он зажег сигарету и с удовлетворением отметил отсутствие малейшей дрожи в руках. Он был горд собой.

– Ты не представляешь, как мне бывает одиноко, – начал он, не сомневаясь, что нащупал верную линию. – Вот ты – у

тебя есть мой отец, а у меня нет никого. Отцу не до меня. Он занят только тобой. Эта девушка в вестибюле... Мне подумалось, что ей тоже одиноко. Я заговорил с ней. Собственно, она сама предложила где-нибудь уединиться. Нет, я не пытаюсь оправдываться. Девушка мне понравилась. Будь я посмелее, сам предложил бы ей пойти со мной. Я не придумал ничего умнее, как привести ее сюда. – Джей взглянул на Софию сквозь темные очки и понял, что она успокоилась, даже обошла стол и прислонилась задом к краю столешницы. Значит, ему удалось завладеть ее вниманием. – Странная штука: там внизу, в вестибюле, девчонка показалась мне очень симпатичной, но как только я привел ее сюда, она мне разочаровалась. Наверное, она не вписывалась в нашу привычную обстановку. В общем, я понял, что сваял дурака.

– Да, Джей, такое случается, – задумчиво произнесла София, и его чуткий слух сразу уловил, что ее тон смягчился.

– Я хотел поскорее избавиться от нее, но не знал как. Боялся, что она устроит сцену. И тут ты постучала в дверь. На мое счастье! Не представляю, каким образом мне иначе удалось бы выпроводить ее без скандала.

София повела плечами, словно ее по-прежнему что-то смущало.

– Она сейчас слышит тебя? – София бросила взгляд на дверь в его спальню.

– Нет, об этом можешь не беспокоиться. – Джей наклонился вперед стряхнуть пепел в пепельницу. – Я затолкал ее

в ванную и запер там. – Ему трудно было удержаться от черного юмора: – Она ничего не слышит, там тихо как в могиле.

Но София уже думала о своем. Она подошла к окну и посмотрела на искрящуюся под солнцем морскую гладь.

– Честно говоря, Джей, я от тебя такого не ожидала. Ты не должен был приводить сюда девушку.

– Я знаю, мне очень стыдно. Прости, София!

Она повернулась к нему и попыталась улыбнуться.

– Хорошо, забудем об этом. Уверена, что это не повторится. – Она двинулась в направлении своей спальни. – Я хочу искупаться в море, зашла за купальником.

Джей возликовал. Первое испытание он выдержал с честью. Все получилось до невероятия просто. Хотя нельзя отрицать, что тот момент, когда в дверь неожиданно постучали, был крайне опасный. Если бы он дал слабину, его авантюра закончилась бы крахом.

– Спасибо тебе, София! – Он одарил ее неуверенной, совсем детской улыбкой. – Ты очень добрая. Расскажешь отцу?

– Нет, не расскажу.

Ее взгляд зацепился за что-то синеющее под стулом. Она наклонилась и подняла с пола бусину.

– Откуда здесь это? – спросила она, положив бусину на стол.

Джей смотрел на бусину и чувствовал, как в его сознание вновь заползает паника.

– Красивая, правда? – с деланой беспечностью заметил

он. – Точно не твоя?

– Нет, не моя!

Голос ее звенел. Видимо, он сфальшивил. Впредь надо лучше следить за своим тоном.

Он показал на дверь в свою спальню и, приглушив голос, сказал:

– Значит, ее. Обронила, наверное.

София вскинула брови, выразительно посмотрела на него и без слов скрылась в своей спальне, оставив дверь открытой.

Джей схватил бусину и отправил ее в брючный карман – к другим таким же. Когда София уйдет, надо будет как следует осмотреть всю комнату во избежание новых казусов. Неприятный поворот. Если София заострит на этом внимание, то легко сообразит: где бусина, там и бусы. Вкупе с его расцарапанной рукой, на которую она уже обратила внимание, это может навести ее на мысль о ссоре, о насилии.

София взяла купальник и халат и направилась к выходу. Джей предупредительно открыл ей дверь.

– Вернусь через час, – сказала она, со значением посмотрев на дверь в его спальню, и торопливо пошла по коридору прочь, словно хотела убежать от него подальше.

Стоя в дверях, Джей проводил ее взглядом, потом вернулся в номер и закрылся на ключ.

Часы показывали ровно половину пятого.

Он произвел быстрый осмотр гостиной в поисках бусин, нашел-таки под диваном еще одну, снова заглянул во все уг-

лы и решил, что на этом можно успокоиться.

Потом он вернул на место портьерный шнур и окинул комнату придирчивым взглядом.

Никаких следов борьбы. Гостиная выглядела совершенно так же, как сорок минут назад, когда он вошел в номер.

Закурив, он подошел к окну и обследовал свою руку с тремя уродливыми царапинами. Девчонка отчаянно боролась за жизнь. Шнур сдавил ей горло и заглушил крики, но в последний момент она извернулась и расцарапала его. Он страшно удивился, что у такой изящной девушки столько силы и воли. Он не был к этому готов. На миг он даже засомневался, что сможет одолеть ее.

Он вошел к себе и, не глядя на кровать, проследовал в ванную, где обмыл пораненную руку и обработал ее дезинфицирующим средством. Теперь ему нужно было подумать о дальнейших шагах.

Избавляться от тела, пока все постояльцы не улягутся спать, слишком рискованно. В отеле «Плаза» гости разбредаются по номерам примерно в половине четвертого утра. Таким образом, в его распоряжении целых двенадцать часов. Да, но если сидеть сложа руки, за эти двенадцать часов кто-нибудь наверняка хватится девушки.

Он вспомнил о ее разговоре с курчавым брюнетом – ее агентом, скорее всего. Они договорились встретиться в баре «Плазы» вечером, в шесть. Если она не явится, этот тип начнет выяснять, куда она подевалась. Соответственно, что-

бы выиграть время, нужно принять меры.

Упорно отводя взгляд от своей кровати, он вернулся в гостиную и подошел к полке с разными справочниками, которые отец всегда возил с собой. А вот и то, что ему нужно: «Кто есть кто в мире кино». Сведения о Люсиль Балу и ее кинокарьере уместились в нескольких строчках. Ей двадцать один год, снялась в пяти фильмах, живет в Париже, агент – Жан Тири.

Джей поставил книгу на место, поднял телефонную трубку и попросил соединить его со службой справок и сообщений. Он не особенно опасался, что звонок может впоследствии навести на его след. В службе всего два сотрудника, а звонки раздаются беспрерывно – все не упомнишь.

– Не могли бы вы передать записку мсье Жану Тири? К шести часам он будет в баре, – сказал Джей. – Текст такой: «Я в Монте-Карло. Увидимся завтра утром. Люсиль Балу».

Клерк повторил сообщение, пообещал все в точности передать мсье Тири и повесил трубку.

Джей знал, что, согласно гостиничному распорядку, около шести в номер явится горничная – разобрать его постель.

Он вошел в спальню, запер за собой дверь и посмотрел на кровать. Девушка лежала на боку, слегка согнув в коленях ноги, спиной к нему. Словно спала.

Он поискал глазами, куда бы ее спрятать. У стены стоял большой платяной шкаф с запирающимися дверцами. Он заглянул внутрь и решил, что место подходящее.

Джей представил, как сейчас дотронется до мертвого тела, и на миг ему сделалось не по себе, но только на миг. Он распахнул дверцы шкафа, подошел к кровати, поднял девушку на руки и вновь поразился тяжести трупа. Запихав его в шкаф, он долго не мог отдышаться.

Но он был рад, что дело сделано и ключ от шкафа лежит у него в кармане. Он выдвинул ящик комода, взял плавки и вышел в гостиную, где пополнил свой портсигар из стоявшей на столе сигаретницы, после чего покинул номер и вызвал лифт.

Следивший за ним из укрытия Джо Керр был разочарован. Он-то думал, что поймал удачу за хвост, но многообещающее начало ни к чему не привело. Вместо грандиозного скандала с криками и потасовкой, вместо уникального шанса оказаться в нужном месте в нужное время с камерой наготове он получил пустышку.

София Дилейни зашла в свой семейный люкс и преспокойно вышла оттуда с купальными принадлежностями, а теперь вот и молодой Дилейни мирно отправился на пляж.

Но куда делась девушка? Почему она не выходит?

Джо видел, как парень запер входную дверь, то есть девушка при всем желании не смогла бы теперь выйти. Что за чертовщина?

Джо вытер пот с лица носовым платком, больше похожим на старую грязную тряпку, и попытался напрячь извилины.

Девушка вошла, но не вышла, следовательно, она должна

быть в номере. Зачем тогда Дилейни-сын запер ее?

Чем дальше, тем загадочнее.

Джо посмотрел направо-налево вдоль коридора, вышел из засады и припал ухом к двери в люкс 27.

Как он ни прислушивался, ничего не услышал. После секундного колебания он поднял левую руку и громко постучал. Потом снова – раз, другой. По-прежнему ничего – ни звука, ни шороха. Он сделал шаг назад и застыл в недоумении.

Девушка, несомненно, там, за дверью. Может быть, парень не велел ей откликаться на стук?

И тут Джо почувствовал на себе чей-то взгляд. Он напустил на себя рассеянный вид и отошел от двери. В дальнем конце коридора возле выхода на лестницу он увидел коренастую фигуру гостиничного детектива. Журналистская выдержка и многолетний опыт заставили Джо двинуться навстречу детективу, который подозрительно сверлил его взглядом.

– Похоже, мистера Дилейни нет в номере, – сказал Джо, сохраняя дистанцию.

– Нет и быть не может, – отрезал детектив. – Надо было спросить внизу у портье. Вы что, порядка не знаете?

– Знаю. Мне сказали, что он у себя, – не моргнув глазом соврал Джо.

– Они имели в виду мистера Дилейни-младшего, но он тоже вышел. Вам нужен старший или младший?

Джо фыркнул:

– На что мне сдался младший? Не важно. Приду позже.

Он обогнул детектива и, посвистывая, начал спускаться по лестнице, спиной чувствуя на себе колючий взгляд.

Не повезло, вздохнул Джо, пробираясь сквозь толпу в вестибюле. Интересно, долго еще этот цербер будет толкаться на этаже? Впрочем, пока молодой Дилейни не вернется, девушке все равно не выйти из номера.

Подумав, он подрулил к стойке портье:

– Очень вас прошу, когда кто-нибудь из Дилейни пойдет к себе в номер, дайте мне знать, а? Я буду в баре, – прибавил он, нехотя расставаясь с тысячефранковой купюрой. – Не забудете? Это крайне важно.

Портье пообещал известить его, забрал деньги и отошел.

Джо направился к телефонной будке и попросил девушку на коммутаторе соединить его с номером Дилейни. После продолжительной паузы телефонистка сказала:

– Сожалею, мсье, номер не отвечает.

Джо повесил трубку и снова окунулся в толпу, прокладывая себе путь к бару. Когда он вошел, часы над барной стойкой показывали без пяти пять.

В этот час бар был практически пуст. От заказа Джо у бармена глаза полезли на лоб: тарелка ветчины, хлеб, масло и двойной виски.

Джо не сомневался, что девушка все еще в номере. Глупо было бы не подкрепиться, пока есть возможность, сказал он

себе, намазывая хлеб маслом. Неизвестно, сколько ему придется ждать, а он твердо решил дожидаться, когда девушка покинет номер, даже если пришлось бы проторчать в коридоре всю ночь.

Глава третья

1

Жан Тири выходил из кинозала почти следом за Флоридом Дилейни.

Дилейни обсуждал что-то с Гарри Стоуном, своим главным помощником. Это был крупный, грузный мужчина с лоснящейся от пота лысиной; на носу у него сидели маленькие очки без оправы.

Тири никак не мог решить, стоит ли ему прямо сейчас представиться Дилейни. Вообще-то, он давно ждал удобного случая. Если бы Дилейни с его подачи обратил внимание на Люсиль, все финансовые проблемы мгновенно разрешились бы. Через три дня фестиваль закончится, и шанс будет упущен: Дилейни в обозримом будущем не подпишет контракт с Люсиль.

У Тири вся надежда была на Люсиль. Последние два года дела в его агентстве шли хуже некуда, клиенты разбежались, осталась только одна перспективная молодая актриса – Люсиль, да горстка ветеранов – очень хороших и в прошлом известных актеров, которые нынче, в силу своего почтенного возраста, могли рассчитывать только на эпизодические ро-

ли, и комиссионных от их гонораров агентству едва хватало, чтобы держаться на плаву.

Тири взглянул на свои наручные часы. Ровно шесть. На это время он назначил Люсиль встречу в баре «Плазы» – она уже должна быть там. Если поспешить и опередить Дилейни, можно «нечаянно» оказаться вместе с Люсиль в вестибюле, когда Дилейни войдет в отель.

Он устремился к выходу и поравнялся с Дилейни. Не удержавшись, Тири поклонился:

– Здравствуйте, мистер Дилейни.

Флойд Дилейни метнул на него острый взгляд и замедлил шаг.

Дилейни был видный мужчина – высокий широкоплечий блондин с густыми волнистыми волосами и легкой сединой на висках. Бронзовое от загара лицо, на котором выделялись серые глаза, раздвоенный подбородок и чувственный рот, приковывало к себе взгляд не столько красотой, сколько выразительностью. Никто не дал бы ему пятьдесят пять.

Он сдвинул брови, пытаясь вспомнить, где мог видеть коротышку-француза:

– Погодите... Вы не...

Гарри Стоун пришел на выручку шефу:

– Это Жан Тири, мистер Дилейни. Агент Люсиль Балу.

Лицо Дилейни сразу оживилось.

– Да, точно. Вспомнил теперь. – Он протянул Тири руку. – Вы молодец, что заполучили эту малышку, Тири. Думаю, я

мог бы найти ей применение. Она сильно занята?

Тири взял руку Дилейни в свою с такой осторожностью, словно она была не из плоти, а из яичной скорлупы.

– У нее как раз закончились съемки, мистер Дилейни. Сейчас она свободна.

– Тогда, может быть, выпьем вместе? – предложил Дилейни. – До девяти я занят. В девять приходите с ней в бар, а?

– Хорошо, мистер Дилейни. – Тири не верил своему счастью. – Придем непременно. Спасибо вам!

Дилейни кивнул и, взяв Стоуна под руку, быстро вышел из фойе на лестницу, у подножия которой его ждал огромный, сверкающий на солнце «бентли».

Задыхаясь от волнения, Тири сбежал по ступеням и, не чуя под собой ног, заспешил вдоль Круазет к «Плазе».

Какая удача! Тири все не мог опомниться. Дилейни не стал бы тратить свое время и поить их коктейлями, если бы не был серьезно заинтересован. Контракт на тридцать миллионов франков! А что? Запросто. Десять процентов от такой суммы – и Жан Тири спасен!

Он с трудом сдерживал себя, чтобы не пуститься бегом. А крошке Люсиль-то как повезло, радовался он. Хотя девочка это заслужила. Работала как зверь, не заносилась, не капризничала, делала все в точности, как он велел. И вот наконец, если не случится осечки, они оба будут вознаграждены за упорство.

Сквозь вечную толпу в вестибюле «Плазы» он протиснул-

ся к бару.

На часах было пять минут седьмого. Бар уже заполнился. Он повертел головой, но Люсиль не увидел.

Не похоже на нее, подумал он, локтями прокладывая себе дорогу к стойке, обычно она не опаздывает. Полагая, что может позволить себе маленький праздник, он заказал виски с содовой. Потом прислонился спиной к стойке и стал следить за входом.

А за ним, в свою очередь, стал издали следить Джо Керр, прихлебывая уже третью порцию неразбавленного виски.

Мальчишка-рассыльный просунул голову в дверь и громко крикнул:

– Прошу внимания! Мсье Жан Тири!

Тири помахал рукой, мальчик подбежал и отдал ему записку.

Насупившись, Тири прочел:

Телефонограмма для мсье Жана Тири. Принята в 16:45. Я в Монте-Карло. Увидимся завтра утром. Люсиль Балу.

Тири тупо уставился на клочок бумаги. Мальчишка начал переминаться с ноги на ногу. Тири дал ему на чай и отошел к окну с видом на Круазет.

Чего ради Люсиль понесло в Монте-Карло? А главное – с кем, недоумевал он. Не одна же она отправилась туда ни с того ни с сего!

Он снова взглянул на часы над стойкой. Двадцать минут седьмого. У него два часа сорок минут, чтобы найти ее и

привезти в «Плазу». Задача в принципе выполнимая. Монте-Карло – это вам даже не Канны, там все на виду. Как пить дать, она в казино.

Он в сердцах смял записку и швырнул ее на пол, потом быстро вышел из отеля и направился к своей запаркованной неподалеку старенькой «вердетте».

Еще прежде, чем Тири вышел из бара в вестибюль, Джо Керр соскользнул с табурета и подобрал смятую телефонограмму. Вернувшись на место, он разгладил листок и прочел записку. От мучительных усилий связать концы с концами его красное испитое лицо сморщилось как печеное яблоко.

Значит, девушка все-таки покинула номер? Неужели он ее проглядел?

Он убрал записку в бумажник, допил виски и, выйдя из бара, справился у портье:

– Скажите, мадемуазель Балу уже ушла?

– Нет, она не выходила из отеля.

Джо Керр знал, что глаз у портье наметанный, и ни на секунду не усомнился в ответе.

– Никто из Дилейни так до сих пор и не вернулся в номер?

– Нет, мсье.

В отеле имелся боковой выход возле примыкающего к зданию корпуса телевизионных студий. Джо решил на всякий случай проверить и там. Он торопливо прошел в конец длинного коридора, где перед дверью в телестудию располагалась пара-тройка фоторепортеров в обнимку с камерами.

– Ребята, Люсиль Балу тут, случайно, не проходила?

Они хором ответили:

– Не-а, не проходила.

Джо поплелся назад в вестибюль. Она должна быть в номере Дилейни, сказал он себе и тут же возразил: а как же записка? Зачем ей эта выдумка про Монте-Карло? Может быть, она задумала провести ночь с мальчишкой и осталась в его спальне? Так, что ли? Все равно странно. Чтобы девушка согласилась сидеть взаперти столько часов!..

Он увидел, как в отель вошли Дилейни и Гарри Стоун.

Стоун направился к стойке и взял ключи, свой и Дилейни, пока Флойд Дилейни остановился переброситься словцом с Эдвардом Дж. Робинсоном, столкнувшись с ним в дверях.

Закончив разговор, Дилейни сказал Стоуну:

– Я поднимусь к себе. Встретимся в баре в девять, Гарри. Если все сложится, заключим контракт с этой Балу.

Услышав его слова, Джо бросился к лестнице и бегом поднялся на третий этаж. На лестничной площадке он притормозил – убедиться, что гостиничный детектив не слоняется по коридору, – и шмыгнул в заветный эркер. Едва он успел спрятаться, как из лифта вышел Дилейни.

Дилейни вставил ключ в замок люкса 27 и вошел, закрыв за собой дверь. В номере он снял телефонную трубку и позвонил своей секретарше, мисс Коббе, которая жила этажом выше.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, – коротко распорядился он и опустил трубку на рычаг.

После чего прошел в свою спальню, быстро разделся и накинул на плечи халат. Из-за двери он услышал, как вошла мисс Коббе.

– Свяжите меня с Ивонной Сансон! – крикнул он ей. – Я скоро.

Он наспех принял холодный душ.

Когда в номер вошла София, Флойд разговаривал по телефону. Он приветственно взмахнул рукой, она молча чмокнула его в лоб и скрылась в своей спальне.

Мисс Коббе, длинная, унылого вида девица, принялась смешивать в серебряном шейкере ингредиенты для мартини.

В этом деле она давно напрактиковалась – быстро и точно разлила коктейль по бокалам, один поставила на стол, так чтобы Дилейни мог при желании взять его свободной рукой, а второй понесла Софии.

София сидела за туалетным столиком и тонкой кисточкой красила губы. Платье она сбросила, осталась в трусиках и бюстгальтере.

– Спасибо, – поблагодарила она, когда мисс Коббе опустила бокал с мартини на туалетный столик. – Не знаете, Джей у себя?

– Не думаю, миссис Дилейни. У него тихо. Заглянуть к нему?

София заколебалась, потом покачала головой:

– Нет, это лишнее. Мистер Дилейни скоро освободится?

– Он ждет звонка из Голливуда. В шесть сорок пять придет мистер Купер.

– А что вечером?

– В девять мистер Дилейни встречается в баре с Люсиль Балу. Потом еще хочет успеть на последний просмотр. В половине первого ночи у вас ужин с ван Астерами в шато «Мадрид».

София вздохнула:

– Когда мистер Дилейни освободится, скажите ему, пожалуйста, что я хочу с ним поговорить.

– Хорошо, миссис Дилейни.

Мисс Коббе вышла.

София отпила половину мартини, закурила и, набросив пеньюар, прилегла на шезлонг у раскрытого окна.

После стычки с Джем ее преследовало тревожное чувство. Его попытки объяснить присутствие девицы в номере Софию не устраивали: слишком гладко у него все получается, как от зубов отскакивает. Она не сомневалась, что он ей солгал, а интуиция подсказывала, что он серьезно вляпался. Его расцарапанная рука, эти его игры с портьерным шнуром, синяя бусина на полу и какая-то странная, напряженная атмосфера, сопровождавшая их разговор, – все это оставило в ее душе неприятный зловещий осадок.

Чем больше она об этом думала, тем неувереннее чув-

ствовала себя. С одной стороны, нехорошо держать Флойда в неведении, с другой... Как бы он по привычке не начал рубить сплеча! София знала, что он не слишком интересуется сыном, часто бывает несправедлив к нему, придирается по пустякам. Меньше всего ей хотелось, чтобы трещина между отцом и сыном еще больше углубилась только из-за того, что у нее, видите ли, дурное предчувствие. И она решила переложить ответственность на мужа.

Услышав, как звякнул телефон, София поняла, что Флойд опустил трубку на рычаг. Через пару секунд дверь в ее спальню открылась, и он вошел к ней с недопитым martini в руке.

– Ну что, моя радость, хорошо поплавала?

– Да, прекрасно. Сядь, милый. Мне нужно поговорить с тобой.

Он подсел к ее шезлонгу, поставил бокал на журнальный столик, улыбнулся ей, скользнул рукой под ее пеньюар и задержался на голой коленке.

– Что такое? Ты чем-то встревожена? Это никуда не годится. Моя куколка не должна тревожиться. Что-то случилось?

Она все еще колебалась. Флойд был непредсказуем. Вправе ли она жаловаться ему на сына? Вдруг он обидится? Но тут ей вспомнилось, как бесшумно Джей кружил по комнате с портьерным шнуром в руках и как она испугалась. Воспоминание придало ей смелости.

– Да в общем, ничего особенного, Флойд. Меня немного

беспокоит Джей...

Улыбка сошла с лица Дилейни, над переносицей обозначились две глубокие складки.

– Джей? – недовольно переспросил он. – С какой стати ты о нем беспокоишься?

– Флойд, обещай, что не выдашь меня, пожалуйста...

Его рука скользнула вверх вдоль ее бедра, и он снова улыбнулся:

– Ну конечно. Так что с ним?

– Он привел сюда девушку.

Дилейни недоверчиво уставился на нее, убрал руку и задумчиво потер подбородок; взгляд его посуровел.

– Девушку? Сюда?

– Да. Я оставила тебя в кинотеатре и вернулась в отель за купальником. Наша дверь была заперта изнутри. Когда я наконец попала в номер, в гостиной пахло духами. Я сразу поняла, что здесь кто-то был, и устроила Джею допрос. Он признался, что привел девушку.

– Ну и ну! Вот черт! – Дилейни вскочил на ноги и начал ходить по комнате из угла в угол. Лицо у него было чернее тучи. – Кто она?

– Не знаю. Он спрятал ее в спальне. Говорит, ему было одиноко. Увидел девушку в вестибюле, она ему понравилась, и он привел ее сюда. Потом решил, что она ему разонравилась, и стал думать, как от нее избавиться, а тут и я пришла.

– Проклятье! – рявкнул Дилейни. – Ну, он у меня попля-

шет! Где он?

– Флойд, прошу тебя... Я обещала ему ничего тебе не рассказывать. Не выдавай меня. Просто я подумала, что ты должен об этом знать.

Дилейни схватил бокал и залпом допил свой мартини.

– Что толку знать, если ничего нельзя предпринять! – раздраженно бросил он ей. – Если ему приспичило поразвлечься с девицей, я ничего не имею против. В его возрасте это естественно. Но тащить шлюху к нам в номер – этого я не потерплю!

– Он больше не будет, Флойд. Он дал мне слово, и я ему верю, – тихо сказала София.

Дилейни провел рукой по волосам:

– Ну, раз так...

Он взглянул на часы. Его мысли уже бежали прочь от проблем непутевого отпрыска: этот малоинтересный предмет мог удержать его внимание в лучшем случае минуты три-четыре. Нынче вечером у него еще уйма дел. Дилейни с волнением ждал звонка из Голливуда. Он подал заявку на экранизацию недавней «книги месяца» и только что узнал, что аналогичное предложение поступило от студии «Метро-Голдвин-Майер». Если его агент, Бреннон, промедлит, чертова книга подскочит в цене до небес.

– Флойд... Тебе не кажется, что Джей немного странный? – неуверенно произнесла София. – С тех пор как я с ним познакомилась, меня не оставляет ощущение, что он

малость... немного странный.

Дилейни резко повернулся к ней:

– Странный? Я бы не сказал. Возможно, он слишком тихий для парня его возраста, мало общается со сверстниками, но я не сказал бы, что он странный. Что конкретно ты имеешь в виду?

Знала бы она сама, что конкретно имеет в виду, подумала София. Ей нечего было предъявить, кроме внутреннего чувства, которое шептало ей: мальчик не вполне нормален.

– Просто у меня такое ощущение... – Она помедлила, но продолжила: – Иногда мне чудится в нем что-то зловещее. Зачем он всегда ходит в темных очках? Как будто хочет скрыть от всех свои истинные намерения. Вокруг него такая аура...

Дилейни не мог больше слушать эту дребедень. У него голова разрывается от срочных дел, а тут какие-то абстракции – ауры и ощущения!

– Прекрати, ради бога! Это в Джее что-то зловещее? Не выдумывай. Парень как парень. Ничего... особенного в нем нет.

София на минуту замолчала, но тревога не давала ей свернуть разговор.

– Его мать была со странностями... Ведь это правда, Флойд?

Дилейни помрачнел.

Со странностями, да уж! Мягко говоря.

Хэрриет предстояло психиатрическое освидетельствование, и ее наверняка признали бы душевнобольной, если бы она не выбросилась с одиннадцатого этажа гостиницы в Лос-Анджелесе. И хотя с того рокового дня прошло двенадцать лет, при воспоминании о нем Дилейни до сих пор передергивало.

Он старался не думать о годах совместной жизни с Хэрриет. Справедливости ради надо сказать, что их первый год прошел беззаботно и весело. Хэрриет была красивая, заводная и к тому же богатая. От нее захватывало дух. Да, у нее всегда была склонность к эксцентричности, но поначалу это было скорее забавно. Любой мало-мальски проницательный человек заметил бы в ее поведении намек на психическую нестабильность. Но Дилейни не отличался проницательностью.

Ее внезапные слезы, беспричинные приступы ярости и всплески истерического веселья лишь добавляли ей очарования в его глазах: какая необыкновенная, непредсказуемая женщина! Ей нравилось разгонять автомобиль до предельной скорости; временами она впадала в тоску и никого не желала видеть; а то вдруг ее куда-то несло, как будто что-то толкало ее изнутри... Но все это Дилейни объяснял ее неординарностью.

Джей родился через год после свадьбы, и Хэрриет сразу передала его кормилице. Ребенок ее не интересовал. Со временем у нее развилась такая стойкая неприязнь к сыну, что

Дилейни поместил его в интернат и устроил так, чтобы мальчик не приезжал домой на каникулы.

Постепенно психическое состояние Хэрриет ухудшалось. Друзья Дилейни давно поняли, что она душевнобольная, и только сам Дилейни, с головой ушедший в работу, по-прежнему не замечал опасных симптомов. Счастливая пора их семейной жизни давно осталась в прошлом. Теперь в редкие часы наедине друг с другом они неизменно ссорились, но и это его не настораживало: такова жизнь, счастье не может длиться вечно.

Однажды вечером ему все-таки пришлось очнуться и посмотреть правде в лицо. Ужасное прозрение!

Даже сейчас, двенадцать лет спустя, у него заходило сердце, если его внезапно настигали воспоминания, хотя он и бежал от них.

В тот вечер он поздно вернулся из студии в свой роскошный особняк в Беверли-Хиллз и сел перечитывать сценарий нового фильма.

Хэрриет расположилась в дальнем углу гостиной, она была угрюма и молчалива. Он пытался с ней заговорить, но она не отвечала. Мысленно пожав плечами, он выкинул ее из головы и сосредоточился на сценарии.

Так прошел примерно час, и вдруг он что-то почувствовал – какое-то невероятное, звенящее напряжение пронизало все вокруг. Он посмотрел в дальний конец комнаты, где сидела Хэрриет, но там ее уже не было. Напротив него на

стене висело большое зеркало, и то, что он там увидел, ему не забыть до скончания дней!

Сзади к нему неслышно подкрадывалась Хэрриет, в руке у нее был нож, а на лице блуждало выражение, которое с тех пор преследовало его в ночных кошмарах.

Только тогда, в те считанные секунды, пока Дилейни словно во сне смотрел на ее отражение, он осознал, что она безумна, и это открытие на несколько мгновений парализовало его.

Ей оставалась всего пара шагов, рука с ножом была уже занесена, когда Дилейни наконец опомнился, отбросил сценарий и вскочил.

Она кинулась на него, как разъяренная тигрица, и он ужаснулся ее силе. Прежде чем он завладел ножом, она несколько раз полоснула его по руке и оставила на его щеке длинный глубокий порез.

Обезоруженная, она отпрыгнула назад и выбежала из дому. Он не успел остановить ее.

Больше он живой ее не видел.

Она села в его машину, доехала до первой попавшейся на пути гостиницы в Лос-Анджелесе, села в лифт, поднялась на одиннадцатый этаж, ворвалась в пустой номер и выбросилась из окна.

Так что сказать про нее «со странностями» – ничего не сказать. Непонятно, зачем София разбередила его старую рану, раздраженно подумал Дилейни.

– Допустим, – сказал он, сдвинув брови. – Но из этого все не следует... – Он оборвал себя, услышав телефонный звонок. – Мне звонят. Послушай, родная, выброси все из головы. Тебе не о чем беспокоиться. С Джемем ничего такого... Черт возьми! Я живу с ним уже двадцать один год. Я знаю, о чем говорю.

Мисс Коббе просунула голову в дверь:

– Мистер Бреннон на проводе, мистер Дилейни.

– Уже иду.

Дилейни потрепал Софию по щеке и вышел в гостиную, притворив за собой дверь.

София хмуро уставилась в потолок.

Она словно наяву видела перед собой Джея – вот он медленно приближается к ней, в руках у него алый шнур, глаза скрыты за темными стеклами... София беспокойно переменила положение.

Где он сейчас? Чем занимается? Кто та девушка, которую он привел в номер?

К ней заглянула мисс Коббе:

– Еще мартини, миссис Дилейни?

– Да, пожалуй. Джей вернулся?

– Пока нет, миссис Дилейни.

Повинуясь внезапному импульсу, София встала с шезлонга и вышла в гостиную. Дилейни разговаривал по телефону. Его младший продюсер Джек Купер курил, пристроившись бочком на подлокотнике массивного кресла.

София прошла мимо них к спальне Джея. Когда она поравнялась с Дилейни, он ободряюще улыбнулся ей.

Она на ходу кивнула мужу, вошла в комнату Джея и, закрыв дверь, прислонилась к ней спиной.

В комнате побывала горничная: постель разобрана, голубая пижама выложена, шторы приспущены.

В комнате все еще пахло духами.

С туалетного столика на нее смотрела фотография Хэриет в серебряной рамке – очаровательная молодая женщина, с виду сама невинность.

София пристально вглядывалась в женский портрет. Да, внешне Джей явно пошел в мать. Тот же рот, та же лепка лица, то же обманчиво невинное выражение.

София перевела взгляд с фотографии на большой шкаф у стены и заметила, что в замке нет ключа. Она подергала дверцу, но шкаф был заперт.

Внезапно, без всякой видимой причины, ей захотелось поскорее выйти из этой комнаты. Ее пронзило то же острое чувство опасности, какое она испытала, когда Джей медленно приближался к ней, играя алым шнуром.

Она попятилась назад от шкафа и у двери остановилась, пытаясь унять необъяснимый страх, заставлявший ее сердце судорожно метаться в груди. Наконец она рывком открыла дверь, шагнула в гостиную...

И застыла как вкопанная. В гостиной спиной к окну стоял Джей и смотрел прямо на нее. В темных стеклах его очков

она видела свое неподвижное отражение.

Дилейни как ни в чем не бывало отдавал распоряжения по телефону:

– Отлично, Тед, заключай контракт, только быстро. Сегодня!

Кажется, он совершенно не замечал натянутой атмосферы.

София не мешкая скрылась в своей спальне, чувствуя на себе пристальный взгляд невидимых глаз Джея.

На пороге она обернулась, и Джей улыбнулся ей – зловецей, как ей показалось, улыбкой, от которой у нее мороз побежал по коже.

2

Прислонившись к полированной стойке бара, Джей со стаканом томатного сока в руке наблюдал за группой мужчин, стоявших всего в нескольких шагах от него. Его отец, Гарри Стоун и Джек Купер – все трое в смокингах – взяли в кольцо Жана Тири, одетого, как и днем, в пляжную рубашку, бежевые слаксы и сандалии. Он был весь какой-то поникший. Лицо у него взмокло, цветастая рубашка липла к спине, на ней проступили темные пятна пота.

– Простите, мистер Дилейни, – сказал он виновато. – Ума не приложу, куда она запропастилась. Я уже все обыскал. Она оставила мне записку – будто бы уехала в Монте-Карло.

Но там никто ее не видел. Я только что оттуда.

Джей лениво потягивал томатный сок и внимательно следил за происходящим.

Флойд Дилейни с досады щелкнул пальцами:

– Черт-те что! Так-то вы следите за своей юной звездой?

Ладно, на нет и суда нет. Разберись с этим сам, Гарри, – добавил он, обращаясь к Стоуну. – Я хочу успеть на последний просмотр.

– Будет сделано, мистер Дилейни, – заверил Стоун.

– Завтра она к вашим услугам в любое время, мистер Дилейни, я прослежу, – жалко лепетал Тири. – Бывает, вы же знаете, как назло... Кто-то позвал...

Дилейни не слушал его. Он подошел к Джею.

– Пойдешь со мной, – приказал он. – Хочу, чтобы ты посмотрел этот фильм.

Вот уж чего Джей никак не ожидал! Он начал спешно придумывать отговорки. Его удивила откровенная неприязнь в отцовском взгляде. Неужели София рассказала ему?.. Она обещала молчать, но кто ее знает!

Зачем она заходила в его комнату? Этот вопрос весь вечер не давал ему покоя. Хорошо еще, он догадался запереть шкаф и ключ взять с собой.

– Иними наконец эти очки! – продолжал командовать папаша. – Не можешь расстаться с ними ни днем ни ночью?

Джей снял очки и сунул их в нагрудный карман.

– Мне не хочется смотреть кино, папа. Да я и не одет. Я

думал прогуляться по набережной, поплавать в море.

– А я хочу, чтобы ты посмотрел этот фильм, – повторил Дилейни тоном, не допускающим возражений. – Мне нужно знать твое мнение. Что ты за человек? Через год тебе надо начинать работать на студии. Чего ты добьешься, черт побери, если у тебя нет ни малейшего интереса к профессии?

– Хорошо, – понуро согласился Джей. – Если тебе так важно знать мое мнение, я, конечно, пойду. Только сбегая наверх переодеться.

– Ага, давай.

Дилейни сменил гнев на милость и дружески хлопнул сына по плечу. Хороший он парень. Правда, любит пофилонить, но, если взять с ним верный тон, быстро соображает, что к чему. София говорит, он странный. Ну вот вам наглядный пример. Женщины вечно делают из мухи слона. Странный?.. Чепуха!

– Я скажу билетеру, чтобы оставил тебе место рядом со мной. Шевелись, сынок. Сеанс через двадцать минут. До встречи.

Напутствовав Джея и в упор не замечая Тири, Дилейни быстро направился к выходу. Справа и слева мелькали знакомые лица – он только успевал взмахивать рукой в знак приветствия.

Едва отец скрылся из виду, Джей снова надел темные очки. Он спокойно допил свой томатный сок и передвинулся поближе к Тири и Стоуну.

– Да – да, нет – нет. В Штатах ее никто не знает, – услышал он голос Стоуна.

Джея так и подмывало сказать Стоуну, чтобы не тратил зря время. Он представил мертвую девушку в шкафу у себя в спальне и почувствовал, как по спине пробежала сладострастная дрожь. Попытаться вынести ее из номера можно будет только часов через шесть. Чем слоняться без дела, лишь бы убить время, и правда лучше уж посидеть в кино-театре. Джей не стал больше прислушиваться к переговорам Стоуна и Тири, вышел из бара и направился к лифту.

– А когда лифт переключают на автоматический режим? – как бы из праздного любопытства спросил он лифтера.

– В три ночи, сэр.

Джей кивнул.

Он так и думал. Лифт ему понадобится, чтобы избавиться от трупа. Мысль о том, как через шесть часов он вытащит ее из шкафа и понесет через гостиную и коридор к лифту, заставляла его сердце ускоренно биться. Несомненно, он рисковал: кто-то из старших, София или отец, может услышать шум, когда он будет выносить тело из номера; кто-то из постояльцев или персонала гостиницы может увидеть его в коридоре... Но он не прочь рискнуть: риск – непременно составляющая острых ощущений, которые он так жаждал испытать.

Увидев, что дверь в люкс 27 не заперта, Джей слегка переполошился. Осторожно войдя внутрь, он заглянул в гости-

ную. Там горел свет, а из спальни Софии доносились приглушенные звуки. Он неслышно проскользнул в свою комнату и, прежде чем включить свет, плотно притворил дверь.

По-видимому, София собирается в кино и через минуту-другую выйдет из номера. Он достал из кармана ключ от шкафа, отпер замок и настежь раскрыл дверцы. Мертвая девушка лежала точь-в-точь так, как он ее оставил. Убедившись в этом, он нагнулся и дотронулся до ее голой руки. Какая холодная и твердая! Брр! Он недовольно поморщился. Намучаешься с ней, если к нужному моменту окоченение не пройдет. Он где-то читал, что окоченение со временем проходит, но через сколько часов, теперь уже не помнил.

Джей снял вешалку со смокингом и бросил ее на кровать. Потом, сгорая от нетерпения выяснить все немедленно, взял девушку за руку и потянул на себя – посмотреть, получится ли распрямить тело.

Труп был такой тяжелый и негнувшийся, что он ужаснулся. Его одолело сомнение: по силам ли ему перетащить мертвую девушку из спальни к лифту? Он просунул ладони ей под мышки и, сопя от напряжения, сумел поставить ее вертикально, прислонив к задней стенке шкафа. И тут раздался стук в дверь.

Сердце у него упало, а потом заколотилось так, что он чуть не задохнулся. Он услышал, как у него за спиной повернулась дверная ручка. Выпустив труп из рук, он поскорее захлопнул дверцы шкафа. И в тот же миг дверь в его спальню

распахнулась.

Он обернулся, чувствуя на лице холодный липкий пот.

В дверном проеме стояла София. На ней было огненно-красное вечернее платье в талию с глубоким декольте и широкой юбкой. На стройной шее – бриллиантовое ожерелье, в волосах – большая бриллиантовая брошь-заколка.

Они оторопело смотрели друг на друга.

София не ожидала застать его в спальне. Пока она одевалась, полагая, что, кроме нее, в номере никого нет, ее вновь охватило беспокойство, и она решила еще раз наведаться в комнату Джея в надежде обнаружить там что-нибудь такое, что развеяло бы ее подозрения – либо окончательно утвердило в их обоснованности.

Глядя на неподвижно застывшего Джея, на его побледневшее, явно испуганное лицо, София поняла, что застигла его с поличным.

Она видела, как он старается взять себя в руки.

– Привет, – сказал он чуть дрогнувшим голосом. – Я зашел переодеться. Отец хочет, чтобы я посмотрел кино.

– Неужели?

Повисла пауза.

– У меня мало времени, – наконец продолжил он. – Ты ведь тоже идешь?

– Да, иду.

Он переместился от шкафа к комоду и начал выкладывать на столешницу содержимое карманов – золотой портсигар,

зажигалку, носовой платок, деньги.

София тяжело вздохнула:

– Джей... что-то не так?

Он замер, потом медленно повернул к ней голову. Темные очки зловеще блеснули.

– Не так? Да нет. Ты о чем?

– У меня какое-то предчувствие, – ответила она, не двигаясь с места. – Та девушка...

– Тебе не о чем беспокоиться. С ней покончено.

– От нее не будет неприятностей?

– Каких?

– Она может попытаться шантажировать тебя.

Джей улыбнулся, – вернее, его губы растянулись в улыбке, хотя лицо было неподвижно и напряжено.

– Это вряд ли. С чего ты взяла?

– Такие девицы... – Она не договорила.

София увидела, как глаза Джея метнулись к шкафу, и тоже взглянула туда.

Как в замедленной съемке, дверцы шкафа начали открываться.

Софию внезапно охватил животный страх.

Джей рванулся было вперед, но осадил себя. Кровь отхлынула от его лица.

Дверцы шкафа распахнулись.

Окоченевшее тело Люсиль Балу зашаталось, и в тот миг, когда рука Софии прижалась к губам, из которых рвался

воплъ ужаса, труп съехал на пол к ее ногам.

Глава четвертая

1

Никто из близких ей людей, даже ее муж, не подозревал, что за прелестной, женственной оболочкой Софии прячется стальной стержень, выкованный нищетой и мытарствами ее безотрадного детства. Лишь очень немногие знали, что София – дитя неаполитанских трущоб. Едва научившись ходить, она вместе с другими чумазыми маленькими оборвышами бегала за туристами. Стоило приезжому зазеваться, как его окружала стая настырных попрошайек – каждый тянул свою грязную ручонку и нараспев повторял единственное известное им английское слово: «Деньги... деньги... деньги...»

Вечером девочка возвращалась «домой» – в убежище, сложенное из двух деревянных контейнеров и куска гофрированного железа. Там она и жила вместе с отцом. Ее папаша – приземистый квадратный итальянец с черными разбойничьими глазами – за всю жизнь ни дня не работал.

Если маленькая София приносила домой меньше пятисот лир, отец немилосердно порол ее ремнем. Так продолжалось, пока ей не исполнилось тринадцать.

Однажды она пришла домой, сжимаясь от страха, потому что не сумела насобирать заветные пятьсот лир, и увидела отца в нелепой позе на куче тряпья, служившей ему постелью: кто-то всадил ему в сердце нож по самую рукоять.

Она долго смотрела на него, не веря своему счастью, потом подошла, плюнула в его оскаленную рожу и навсегда покинула родительскую конуру. Наконец она избавилась от нахлебника – может жить как хочет и не бояться побоев!

Ни лохмотья, ни грязь не могли скрыть красоты юной Софии. Вскоре на нее обратил внимание один тип, называвший себя Джузеппе Франчини, – сутенер, промышлявший в кабаках на задворках Виа Рома. Он с первого взгляда оценил ее потенциал, взял девочку под свое крыло, одел, снял ей более-менее чистую комнату и сделал из нее проститутку. Ей не было еще и пятнадцати.

Уразумев, какие заработки сулит ей новая профессия, София принялась за дело с большим энтузиазмом. Изумленный Франчини не мог на нее нарадоваться. Он быстро сообразил, что разминивать такой талант на всякую шушеру из низкопробных забегаловок просто глупо, и на паях с приятелем снял ей квартиру в Риме.

К семнадцати годам София многого достигла. Она избавилась от Франчини и переехала в роскошные апартаменты в фешенебельном римском квартале. Теперь у нее был солидный доход, новенький «альфа-ромео» и шикарный гардероб, включавший в себя норковое манто.

На восемнадцатом году жизни она познакомилась с Хэмишем Уорделлом, голливудским кинорежиссером, проводившим отпуск в Риме. Ее красота и редкостная самоотдача в постели произвели на Уорделла такое впечатление, что он забрал ее в Голливуд и дал ей маленькую роль в своем новом фильме.

София имела бешеный успех. Сексапильная итальянская красотка сразу затмила на экране всех прочих актрис и актеров. Зрители были в восторге, и киностудия немедленно заключила с ней контракт на шестизначную сумму за каждый из трех новых фильмов, сразу оговорив, что за первыми тремя последуют еще три – с повышением гонорарной ставки. Деньги потоком потекли на ее банковские счета, публика ее обожала, и все ужасы ее детства, как и гадкие воспоминания о свинстве клиентов в ее бытность уличной проституткой, скрылись в тумане прошлого.

В двадцать четыре она встретила Флойда Дилейни. Он влюбился в нее, и меньше чем через полгода они поженились. Она стала законной женой одного из самых богатых и влиятельных людей в Голливуде. У нее было все, чего только можно желать. С таким положением она могла чувствовать себя как за каменной стеной, а этим ощущением она дорожила больше всего на свете, почти как самой жизнью...

София сидела на диване в семейном люксе, плотно сдвинув колени и сжав руки в кулаки, и неподвижно смотрела на Джея, усевшегося напротив. Он был бледен и мрачен, уголок

левого глаза слабо подергивался.

Она больше не сомневалась, что он убил девушку, и вполне отдавала себе отчет в том, что его дикий поступок ставит под угрозу ее собственное благополучие. Как только эта новость попадет в заголовки мировой прессы, не будет у нее больше ни покоя, ни положения, которые оплачены долгими годами нужды и боли.

Она начала понемногу приходить в себя после страшного шока – когда к ее ногам упало мертвое тело. Силы воли ей было не занимать, и, едва оправившись от потрясения, она вернула себе способность мыслить здраво. Нужно было срочно найти выход из кошмарной ситуации. Она не собиралась опускать руки и полагаться на судьбу. Однако, прежде чем принять решение, необходимо знать все обстоятельства.

– Это Люсиль Балу? – спросила она, в упор глядя на Джея.

– Да.

Он тоже заставил себя собраться, выбросить из головы ужасный момент, когда дверцы шкафа начали медленно раскрываться, и сосредоточиться на главном: как поступит София? Во рту у него пересохло. Он с удивлением вынужден был признать, что нервы-то у нее покрепче, чем у него.

– И ты убил ее, – констатировала София, снова сжав кулаки.

– Это был несчастный случай. – Джей выдавил из себя жалкую, бессмысленную улыбку.

– То есть?

Он немного помедлил, провел языком по губам и сказал: – Я не соврал тебе. Как только я увидел ее здесь, в номере, я понял, что сваял дурака. Наверное, я повел себя грубо. Сказал ей убираться. Она разозлилась. Пригрозила, что закричит. Я испугался, как бы кто не услышал. Зажал ей рот рукой. Она стала отбиваться. Девчонка оказалась сильнее, чем я думал. Я... сам не знаю, как это вышло. Она вдруг сникла. Я решил – у нее обморок. Начал приводить ее в чувство и увидел, что она мертва.

Пристально глядя на него и вслушиваясь в его монотонную интонацию, София понимала, что он лжет. У нее в памяти всплыла недавняя картина: Джей угрожающе приближается к ней, в руках у него алый шнур... Она не сомневалась, что он намеренно задушил девушку.

София молча изучала его.

Темные очки скрывали его глаза, как надежный камуфляж.

– Сними очки! – приказала она.

Он нахмурился. Его рука потянулась к очкам и на мгновение замерла. Но он снял их. Его бледные, водянисто-голубые глаза смотрели растерянно и трусливо, как у пойманного воришки. София видела: он напуган и выбит из колеи даже больше, чем она сама. Это ее обнадежило.

– Ты врешь, – холодно сказала она. – Ты нарочно заманил ее сюда и убил. Задушил шнуром от портьеры.

Глаза Джея сделались пустыми, как у слепца. Потом угол-

ки его рта поползли кверху, а из горла вырвался какой-то клеткот, как будто он подавил смешок.

– Угадала. Ты намного умнее, чем я предполагал. Да, конечно. Это не был несчастный случай.

София втянула в себя воздух и резко встала. Потом подошла к столу и вынула сигарету из сигаретницы. Закуривая, она отметила, что руки у нее нисколько не дрожат, как ни странно.

Теперь она была совершенно уверена: парень ненормальный. Она всегда подозревала, что он унаследовал от матери большую психику. Не опасно ли ей самой оставаться с ним наедине? Вдруг он и на нее набросится? Нужно постараться не настраивать его против себя. Она снова села.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.